

Лариса ЧЕРНОГОРЕЦ

16+

Калыбелы
калдунны

Лариса Черногорец
Колыбель Колдуньи

«ЛитРес: Самиздат»

2009

Черногорец Л.

Колыбель Колдуньи / Л. Черногорец — «ЛитРес: Самиздат»,
2009

ISBN 978-5-532-10286-6

Будущее, 2099 год. Успешный бизнесмен, пресыщенный развлечениями, вместе с женой отправляется провести рождественские каникулы в прошлое. Что может помочь ему вернуться назад, если поломка машины времени необратима? Как современному, избалованному техническим прогрессом мужчине выжить в 18 веке, вернуть любимую жену и понять, в чем смысл его жизни на этой земле? Ответы на эти вопросы нужно найти в виртуальном лабиринте времени с помощью драгоценного артефакта. При оформлении обложки использовано изображение с сайта Pixabay по лицензии CC0.

ISBN 978-5-532-10286-6

© Черногорец Л., 2009
© ЛитРес: Самиздат, 2009

Сколько раз учил меня мой отец: выслушай женщину и сделай наоборот. Дурное предчувствие преследовало меня с той самой поры, когда я, топ-менеджер с солидным доходом, примерный семьянин и хороший товарищ, поддался на уговоры супруги о каком-нибудь необычном отдыхе во время рождественских каникул. В свои тридцать семь, я уже ничему не удивлялся, и рвение жены непременно устроить отдых так, чтобы это было поразительным и запоминающимся меня не вдохновляло. Как будто нельзя было бы просто поваляться в массажном кресле с голографическим электронным томиком детективов, попить пива с креветками, чередуя дни ленивого безделья с походами в тренажерный зал, сауной и бассейном. Еще двадцать лет назад, во времена студенческой юности, мной была изъезжена вся Европа вдоль и поперек, как раз до того, как часть её постепенно ушла под воду в результате таяния ледника. Еще пять лет назад, после нашей с женой свадьбы, во время медового месяца был кругосветный круиз, затянувшийся почти на полгода, в котором подробнейшим образом мы изучили все доступные после мировой глобальной катастрофы среднестатистическому туристу страны и континенты. Этих вояжей хватило с лихвой. Вообще, все последнее время, ни виртуальные поездки в поражающие воображение супергорода будущего, активно предлагаемые турфирмами, ни отпуск на даче меня не привлекали. Пресловутая дача, которая досталась от прапрабабушки моей супруге, была единственным островком размером в три сотки, на котором росла настоящая трава, деревья, овощи. Там можно было сорвать огурчик с грядки, и даже было декоративное озерцо с рукотворным водопадом, однако это удовольствие удавалось сохранять ценой немыслимых налогов в условиях нехватки земли. Даже полеты на Лунные колонии, не удивляли и не будоражили кровь.

Битых три недели я отрешивался от предложений супруги, предлагавшей вариант за вариантом, и даже намекал ей, чтобы она выбрала что-либо на свой вкус, и возможно отправилась туда с подругами. А мне так хочется просто побыть дома в эти каникулы! Когда в один их вечеров, она влетела в спальню с круглыми от восторга глазами, протягивая мне буклет. Я развернул пластиковую упаковку и нажал кнопку воспроизведения, сделав это скорее из чувства долга перед супругой, чем из любопытства. Голографический экран мигнул, развернувшись над моей головой, симпатичная восточная девушка завораживающим голосом произнесла:

«Наша фирма предлагает вам незабываемый отдых. Только в это рождество, экспериментальные, эксклюзивные путешествия в прошлое. Вы сами выбираете эпоху и свой статус, вы сами решаете, сколько времени пройдет с момента начала путешествия до момента его окончания. Вы и только вы можете разнообразить свой отдых, испытать необычайные ощущения, проникнуть в глубины веков...»

Её голос продолжал гипнотизировать. Я чувствовал, что еще немного и стану просто одержим идеей этого отдыха. Я резко захлопнул буклет. Жена, встрепенувшись, словно ото сна, выдохнула:

– Ну что? Что думаешь? Давай попробуем!

– Бред! Аля! Полный бред!

– Почему? – её лицо помрачнело.

– По многим причинам.

– Назови хоть одну!

– Аля! Ты взрослый человек. Конец двадцать первого века! Ты веришь в такие «разводы»? Сколько это стоит?

Она хитро улыбнулась:

– Ты не дослушал рекламу до конца. Там есть преискуронт, все зависит от выбора эпохи...

– Значит, к динозаврам будет безумно дорого...

– Ну не передергивай. Зачем тебе к динозаврам. И потом, это эксперимент, там скидки первым пятидесяти клиентам, понимаешь, японцы уже давно работают над возможностью путешествий во времени...

– И это в основном потому, что от самой Японии осталась только Фудзияма и пара километров вокруг. И что-то все их попытки вернуться в прошлое, чтобы предотвратить глобальное потепление, закончились поражением. Об этом последнее время только и пишут!

– Ну, это не совсем то, о чем пишут. Прошу, поедem к ним, тем более это совсем рядом, в пяти кварталах нашего комплекса.

– Это, наверняка, слишком дорого!

– Перестань, не больше чем мы потратили бы на виртуальную поездку в город будущего Голдсити, или на Луну.

Мои доводы закончились, эмоции, тщательно и терпеливо скрываемые последние три недели, выплеснулись в виде вопля:

– Ну почему! Господи! Почему эта женщина не может просто побыть дома в выходные. Почему обязательно нужно куда-то ехать. Я работаю как проклятый, это первые большие каникулы за полгода! Я просто хочу побыть дома!

– Мой возглас поверг жену в уныние. Она повернулась и вышла из спальни. Послышались негромкие всхлипывания.

Я встал с постели. Мне стало стыдно, Алька была безобидным и жизнерадостным человеком, пять лет совместной жизни она только и пыталась, что сделать мой быт удобным и комфортабельным, угождать мне во всем и заботилась о каждой мелочи.

Мы познакомились, когда она была еще студенткой журфака нашей академии, я изредка, по просьбе друга, которого надо было заменить, приезжал читать там курс лекций по национальной экономике, а она сидела в первом ряду. Я влюбился с первого взгляда в карие вишни ее глаз, рыжий одуванчик прически, хрупкую, почти неземной красоты и грации фигуру, какую редко встретишь у наших современниц – всё больше коренастые квадратики на тонких ножках, зачехленные в термокомбинезоны, или обтянутые джинсами. Я умилялся ее непослушному рыжему локону на виске, который никак не хотел укладываться в прическу, и она всегда закалывала его гребешком-цветочком – единственным напоминанием о рано ушедшей из этой жизни матери. Меня просто с ума сводило ее несоответствие спортивным современным стандартам – женственность, плавность речи и движений, особенная стать. Она, робея, попросилась в курируемую мной группу, а я с удовольствием продолжил знакомство в студенческой кафешке. Уже через полгода я на дрожащих от счастья руках выносил ее из ЗАГСа. Каждый день я открывал в ней, что-то новое, – она могла одним движением руки снять головную боль, какими-то странными почти детскими потешками заговаривала кровь, хлеставшую из порезанного пальца, да так, что та останавливалась и рана затягивалась прямо на глазах. Она могла закрыть глаза и точно сказать, какая команда победит в футбольном матче, а могла просто не пустить меня на рейс в аэропорт, срывая мою поездку на конференцию, потому, что самолет явно неисправен – хотя в глаза не видела этот самый самолет. Я бесился поначалу, но, когда один из таких рейсов закончился тем, что самолет разбился, я стал безропотно ее слушаться. Она готовила дивные травяные коктейли, которые снимали раздражительность и усталость. Я готов был носить ее на руках вечность. А вот теперь...

Я вышел в холл. Жена сидела в углу на корточках, закрыв лицо ладошками, сквозь пальцы текли слезы.

– Алька, – я нагнулся и обнял её, Алька, дорогая, ну не хнычь, будь по-твоему, завтра после работы зайдем в эту контору. Мне самому любопытно!

– Правда?

Мокрые от слез глаза засветились счастьем.

– Правда, только не реви. Не люблю я сырости, ты же знаешь.

– Прости меня, Данька, но я так мечтаю о таком необыкновенном путешествии! Мне так тоскливо одной, – ты на работе целыми днями, вечерами у тебя спортзал и бассейн, я тебя вижу только по воскресеньям. Больше всего на свете я хочу детей, но ты даже на одного не можешь решиться!

– Милая, это такая ответственность! Когда с климатом такое творится, кто знает, что нас ждет ...

– Все, все, молчи...молчи, а то опять поссоримся. Ты пообещал, – завтра идем узнавать подробности...

Следующим вечером я сидел в удобном кресле, парившем на воздушной подушке над полом. Супруга, легким движением изящного пальчика в воздухе перелистывала голографические странички буклета, услужливая восточная девушка в голубом костюме с белым галстуком принесла чашку крепкого кофе:

– Прошу немного подождать, профессор сейчас освободится.

– Профессор? – я был удивлен, – турфирмой руководит профессор?

Девушка растерянно улыбнулась:

– Я думала, вы прочитали вывеску...

– Простите, не обратил внимания.

– Кхм... – в комнату вошел седой худощавый мужчина в очках:

– Простите за задержку, позвольте представиться – профессор Залевский, – он протянул руку, я пожал её, он жестом пригласил пройти в соседнее помещение. Кресла на воздушных подушках послушно последовали за профессором. Двери распахнулись, и мы с супругой оказались в помещении, больше похожем на больничную палату.

– Что это? – я напрягся. Мое дурное предчувствие усилилось. Белые стены, длинный ряд агрегатов, напоминавших барокамеру начала века, идеальная чистота и медицинский столик с инструментами. Супруга же наоборот весело расхохоталась:

– Надо же, и, правда, как в больнице.

– А вы полагаете, путешествия во времени начинают из уютных гостиных, сидя на мягких диванах?

Я возразил:

– Совсем нет, я скорее представлял что-то вроде космической лаборатории...,

– Позвольте, я объясню вам, – профессор снял очки, – вы, вне сомнений, в курсе разработок японских ученых по путешествию в прошлое. Это глобальная задача, и нашей лаборатории, безусловно, такое не под силу. У нас совершенно иные, альтернативные цели, направленные исключительно на развлечение наших людей. Возможно, это повлечет за собой создание целой ветви в индустрии развлекательных путешествий, и мы будем её основателями. Наша задача не отправить вас в реальное прошлое, а создать эффект полного присутствия в этом прошлом. В идеале человек может прожить целую жизнь в прошлом, всего пару недель находясь в «Стораксе», – он кивнул на ряд агрегатов

Профессор подошел к большому белому шкафу и набрал код на голографической панели. Дверца открылась, он достал флакончик с голубоватой жидкостью и стеклянную колбу.

– вот это – он потряс перед моим носом колбой, в которой пересыпались крохотные металлические шарики, – эксклюзивная разработка нашей лаборатории – микрочип, который внедряется через носовую полость в черепную коробку, он посылает микро-импульсы в мозг. Именно его мы программируем в зависимости от вашего желания на определенную эпоху, статус и состояние. Это, – он указал на флакончик с жидкостью, – средство, вводящее чело-

века в состояние, близкое к коме. «Сторакс» – прибор, в котором человек находится во время путешествия. В нем создается определенный микроклимат, давление и режим электромагнитного излучения. Под воздействием этих трех факторов микрочип начинает излучать импульс и человек, находясь в трансе, испытывает натуральные ощущения и эмоции, запрограммированные нашими специалистами.

– Потрясающе! – Алькины глаза сияли, – это то, что нужно! А ведь нам казалось, что нас уже ничем не удивишь! Виртуальное будущее предлагают на каждом шагу, а вот виртуальное прошлое...

– Хочу вас предупредить, конечно, наши приборы и препараты прошли испытания, и мы имеем все необходимые сертификаты, но вы будете первыми клиентами нашей фирмы, которые отправятся в путешествие в прошлое.

– Это замечательно! – Алька подпрыгивала в кресле, – значит, поэтому нам полагается скидка!

– Да, пятидесятипроцентная скидка первым пятидесяти клиентам. Вы пришли первыми, вам повезло. Сразу после оплаты наших услуг вы сможете составить сценарий ваших приключений, и наши специалисты разработают программу микрочипа в считанные часы. Таким образом, в ближайшую неделю вы сможете осуществить увлекательное путешествие...

– Подождите! – я прервал милую беседу профессора и супруги, – существуют ведь противопоказания! Может ведь быть какая-то аллергическая реакция на ваш препарат!

– Исключено! Испытания прошли более двух тысяч добровольцев, ни у одного из них не наблюдалось аллергической реакции. Это плазма с наночастицами, дозировка точно рассчитана, в зависимости от количества времени, выбранного вами для путешествия, компьютером регулируется количество препарата, «Сторакс» механически открывается изнутри, так что, даже если вы теоретически очнетесь раньше времени, что исключено, вы сможете его открыть. Микрочип стерилен и вводится в носовую полость, он не травмирует даже слизистую и выходит вместе со слезой самостоятельно в течение нескольких дней после возвращения.

– То есть, медицинских противопоказаний нет.

– Абсолютно! Иначе нам не выдали бы генеральный сертификат. Это так же безопасно, как путешествие в Голдсити, которое продается за ту же цену в соседнем квартале комплекса.

– А если что-то пойдет не так...

– Программа микрочипа пошлет сигнал на компьютер, и мы немедленно выведем вас из транса.

– А как мы будем питаться, и, простите, справлять естественные надобности, ведь это целых десять дней!

– Да! – профессор улыбнулся, – десять дней здесь и полжизни там! Не волнуйтесь, вещество погрузит вас в состояние, при котором вы не будете нуждаться ни в пище, ни в воде, ни в чем другом – все процессы замедлятся. Вы очнетесь в другом мире, вы будете помнить кто вы на самом деле, но воспоминания будут смутными и нечеткими, вам будет трудно ориентироваться, и вы забудете всех, с кем были знакомы в реальности. Зато при выходе вы будете помнить абсолютно все, что с вами произошло – в мельчайших подробностях. Это непередаваемое ощущение! Поверьте, вы выбираете только эпоху, статус и состояние, а также количество времени, проведенного в мире прошлого. Все остальное прописывают наши сценаристы и техника. Да! Есть только одно, но!

– Какое?

– Не смотря на всю виртуальность происходящего с вами в прошлом, вы не должны менять устои и законы той эпохи, даже если вы пожелаете стать королем. Все должно быть так, как все было в те времена. Это обязательно, и этот пункт прописан в нашем договоре, а с целью ознакомления с основными особенностями эпохи вам будет предоставлен для автоматического изучения во сне программный материал нашего центра. И главное – никого не

убивать! Это может вызвать программный сбой, и мы будем вынуждены прервать ваше путешествие. Агрессия категорически воспрещена.

– Замечательно. Мы же не убивать туда отправляемся!

– Смотря, в какую эпоху. Вот, например, в крестовых походах очень трудно быть альтруистом.

– Я хотела бы, чтобы в этом путешествии мы были вместе с мужем. – Алька встревожено глядела в глаза Залевского.

– Возможно, скорее всего, так и будет, – ответил профессор уклончиво, – так и будет, только возможно несколько в иной форме, чем вы себе представляете.

– Мы согласны! – Алька потянулась к панельке оплаты, услужливо протянутой симпатичной девушкой в голубом костюме, она проворковала:

– Вот здесь, пожалуйста, система считает ваш код с отпечатка пальца и оплата с учетом скидки будет произведена с вашего банковского счета в течение пяти минут.

– Подожди! – я остановил жену

– Милый, пожалуйста, прошу тебя!

– Алька, мы толком ничего не обсудили, я не уверен...

– Пожалуйста... – в её глазах была такая мольба, что я сдался:

– Хорошо... только пусть это будет моим подарком тебе на рождество!

Я прикоснулся пальцем к панельке. Через несколько секунд на её экране отразилось подтверждение оплаты.

– Великолепно! – Профессор пожал мне руку, – жду вас завтра вечером с готовым решением, выбирайте, куда хотите попасть, а наши специалисты займутся вплотную вашим вопросом. Сейчас мне нужна лишь конкретная дата отправки.

– Первое января.

– Первое, так первое. До встречи.

Мы вернулись домой. Я стоял у огромного окна спальни. Вид с пятидесятого этажа нашего жилого комплекса на город был потрясающим. Море огней вечернего Дивнодара переливались, сливаясь в бегущие хоромы. Теннисная площадка спорткомплекса, находившегося прямо перед нашими окнами, двадцатью этажами ниже под огромным прозрачным колпаком, с вкраплениями вентилирующих устройств, была почти пуста. Я с интересом наблюдал за поединком двух крошечных человечков на огромном зеленом поле.

– Данька!

– Да, – я обернулся, – Алька, свернулась клубочком на широкой кровати, задумчиво смотрела на меня,

– Данька, как ты думаешь, мы там увидимся?

– По крайней мере, я на это надеюсь.

– А вдруг нет?

– Ну, это была твоя идея, и потом, мы ведь можем отказаться и провести каникулы дома. – Мой голос звучал без уверенности, я поразился тому, как меня зацепила идея путешествия в прошлое. Мне не терпелось попасть туда, и я был безумно благодарен жене за эту идею.

– Ни за что, – Алька возмутилась, – даже не думай, не зря же мы с тобой так быстро практически мгновенно сошлись на восемнадцатом веке, на Саратовской губернии и на дворянском статусе...

– Ну, со статусом вообще красота! – Я расхохотался, – не хватало еще вкалывать полгода без отдыха, чтобы потом отправиться в прошлое в качестве крепостного крестьянина и батрачить все выходные, которые могут растянуться на полжизни!

Алька засмеялась:

– Я думаю, что все выбирают именно дворянский статус. За исключением мазохистов, пожалуй.

– Завтра обсудим все с их специалистами и – вперед, назад в прошлое.

– Иди ко мне, – Алькины руки обвили мою шею. Теплая, мягкая, родная и такая волнующая, она будила желание. Я зарылся в копну её душистых волос и уложил на кровать.

– Быть может, это наша последняя ночь в настоящем...

– Не говори так, мы вернемся и опять будем вместе.

Голос моего дурного предчувствия стал тихим, почти неслышным, я почти успокоился, Алькины поцелуи влекли меня, и через пару минут моя голова была занята совсем другими мыслями.

Воистину горе тем, кто не слушается своей интуиции. Алька, весело подмигнув мне, прыгнула в «Сторакс», крышка мягко опустилась, манипулятор вставил в агрегат емкость с жидкостью. Профессор кивнул мне: – Не стоит беспокоиться – вы почувствуете только ослабление и удовольствие, уснете, а проснетесь уже там...

Алькин «Сторакс» начал медленно вращаться, я посмотрел на профессора, тот подмигнул:

– Она уже там, теперь ваша очередь.

Я лег в агрегат. Крышка закрылась, сквозь стекло я видел, как манипулятор вставил в агрегат емкость с жидкостью. Было тихо, снаружи не доносилось ни звука. Я почувствовал укол. Интересно, как «Сторакс» вычисляет, где у человека вена? По телу пробежала приятная дрожь, я ощутил расслабление, «Сторакс» начал медленное вращение. Сейчас я впаду в состояние транса, и мне введут микроchip, в тот момент я даже толком не ощутил, как крошечный шарик проскочил ноздрю и остановился внутри, где-то около лба. Там было немного щекотно.

Вдруг, замутненным рассудком я осознал, что «Сторакс» остановился и снаружи послышались какие-то крики. Последнее что я видел, это расширенные от ужаса глаза профессора, глядящие на меня через стекло «Сторакса», словно в замедленном воспроизведении я слышал его крик: «Электричество! Включите запасной генератор! Я не могу остановить процесс влияния, будет передозировка...»

Мысль мелькнула у меня в мозгу: смерть... это смерть.

Пора просыпаться, батюшка, Данила Алексеич, – скрипучий голос заставил меня очнуться от тяжелого, словно в болезни, сна. Я открыл глаза: надо мной склонился невысокий, плотного телосложения мужчина, в странной одежде, седоватый, с бакенбардами, в которые переходили колоритные усы, – какие я видел только на старинных портретах. Красные щеки и курносый нос, брови «домиком» серые глаза, морщинки. Такие бывают только у людей, которые много смеются, – все напоминало какого-то нарисованного человечка из русских народных сказок, про солдата, – ну, точь-в-точь солдат из моей старой детской книжки, который варил кашу из топора.

– Вставайте, батюшка, вот, рассольчику вам.

– Рассольчику?

– Его самого! Вы, батюшка, давеча таких дел наворотили, – враз и не разгрести теперь, уж больно усугубили водочкой.

– Я? – Мне наяву не приходилось баловаться водочкой уже лет семь, – я ...это...как тебя..., – голова моя раскалывалась, ощущение от того, что накануне действительно «усугубил» было реальным.

–Эээ! Да вы батюшка действительно не в себе, Анисима старого не признаете! А кто за вами ходил с пятнадцати лет, – и на службе государевой, и в военных баталиях – рука об руку...э-эх...

Я хлебнул рассолу и поднял глаза. Со стены на меня смотрели огромные, в пол-лица, знакомые глаза. Это был портрет Альки.

–Что, барин, супругу-то свою помните? – Анисим, усмехаясь в усы, подмигнул и вновь наполнил опустошенный мною бокал рассола до краев, – Уж она, ангел наш, Алевтина Александровна, битых полночи пыталась вас утихомирить, а как вы уснули – собрала багаж и в отцово поместье отправилась, вот и записку вам оставила.

Я открыл поданный мне конверт, запечатанный сургучом. Знакомый до боли подчерк... я поднял глаза на портрет. Теперь лицо показалось мне совсем не таким знакомым. Вместо пышной кудрявой рыжей шевелюры, Алькино лицо обрамляли длинные черные локоны. Она казалась похудевшей и ямочки на её щеках делали её озорную обычно улыбку немного грустной. Она была какой-то чужой, вовсе не такой, как в жизни. Ощущение тревоги, мучившее меня с начала этой затеи, осталось позади и все события воспринимались на удивление естественно. Я как будто всю жизнь жил в этой комнате, спал в этой постели, даже Анисим, которого я видел первый раз в жизни, был каким-то родным и милым сердцу. Значит, вот как... напился, устроил скандал, жена ушла, и отпуск мы проведем отдельно. Надо соврать, что я потерял память, иначе вся эта дворовая братия решит, что их барин сошел с ума. Я уставился в письмо, в котором скачущим от волнения подчерком была написана отповедь в стиле того века, в котором я оказался, причем по-французски. В записке мне было велено не появляться пред светлыми очами супруги больше никогда, и только чудо заставит её вернуться ко мне, после того, чего она со мной натерпелась. Это было так не похоже на мои с Алькой реальные отношения. Признаться, я даже был рад остаться один на какое-то время, уж очень была заманчивой перспектива проваляться на пуховых перинах, пусть и с квасом вместо пива и реальным томиком Пушкина, вместо виртуальных детективов. Анисим подал халат, точь-в-точь как в фильмах про старинные времена, расшитый цветами и листьями. Я поднялся, натянул его на плечи, и подошел к большому зеркалу, стоявшему в углу спальни. Моему взгляду представилась картина, от которой я чуть не подпрыгнул. Из зеркала на меня смотрел парень, общими чертами лица схожий со мной, но, в сущности, значительно от меня отличавшийся. Во-первых, я – теперешний был моложе и выше сантиметров на восемь, во-вторых, даже в сорочке и халате было видно замечательное атлетическое сложение тела. Парень с рекламного плаката нашего фитнес клуба, на которого я старался быть похожим, изнуряя себя тренировками, просто не годился мне в подметки. У меня была самая шикарная спина, которая только могла быть у мужчины моего возраста и роста. В целом картину лица, оставшегося все же моим, портила только густая трехдневная щетина. Я снял ночной колпак, копна выющихся, темных волос упала мне на плечи. Я расхохотался:

– Да, за это стоило заплатить, ай да профессура, вот так сценарий слепили, я прямо мачо...– я повернулся от странного кашля. Анисим смотрел на меня во все глаза, очевидно поперхнувшись от обилия незнакомых слов.

– Не тушуйся, старина, это я, твой прежний Данила, надо бы умыться, да побриться, а то уж больно я зарос.

– Дык...это...траур у вас, батенька. – Я обомлел:

– Какой траур?

– Дык...это...вы с чего усугублять то начали – трех дён не прошло, как скончалась кобыла ваша пегая, вы расстроились, стали погреб опустошать, а давеча велели её схоронить,

самолично отпел при этом, дьякона опоили, а потом велели траур по деревне объявить и бриться сказали не будете... Алевтина Александровна уж так вас уговорить пыталась, а вы её метлой...

Я расхохотался, ну и образ мне нарисовали мастера-программисты.

– Ничего, Анисим, отменяется траур, водки больше не пью и с женой обещаю помириться.

– Уж сделайте милость, барин, а то больно вы споры на расправу, когда во хмелю.

– А что там за шум? – мое внимание привлекли вопли, раздававшиеся со двора. Анисим выглянул в окно:

– Вот беда! Зашибут девку! – он опрометью бросился из комнаты. Я

кинулся за ним. Превозмогая головокружение и тошноту, я вышел на крыльцо особняка. Яркое солнце ослепило меня. Я зажмурился и с минуту пытался привыкнуть к свету. Взгляду представилась странная картина. Анисим пытался урезонить добрый десяток баб, вооруженных колотушками, вилами и цепями для обмолота. За его спиной пряталась хрупкая девушка.

– Что происходит? Анисим?

Все замолчали. Девушка обернулась. У меня подогнулись колени. Взгляд глубоких карих глаз сразил меня словно молния. Густые черные кудри заколоты необычным ярким гребнем в виде цветка, тонкие черты лица, нежный румянец щек – колдовская красота. Стройная идеальная фигура, маленькие босые ступни, выглядывавшие по щиколотку из-под полы платья – я был повержен и очарован. Мне хотелось выдавить хоть слово, но я словно онемел.

– Да вот, барин! Чуть девку не зашибли, говорят, что она на их птицу порчу навела.

– Какую порчу?

– Выслушай, батюшка, – толстая крестьянка с колотушкой кинулась ко мне и вцепилась в подол халата, – ведьма! Ведьма она, уж который год маемся, – то корова доиться перестанет, то коза захиреет, то посевы пропадут, а теперича, вон, все гуси передохли, в округе. А Захаровна видела, как она на перекрестке поклад закапывала, вот у всех вокруг того перекрестка птица и сгинула. Ведьма она! Как и мать ее была!

– Ведьм не бывает. – Я сам обалдел от фразы, вылетевшей из моих уст, однако это было первым, что пришло мне в голову.

– Не бывает? – толпа, включая Анисима, взирала на меня ошалелым взглядом. Я хотел спастись бегством, но потом, вспомнив, что я вроде как барин, и вспомнив все мной изученное в аудио-курсе ночного прослушивания, предоставленном профессором, о том, как ведут себя बारे приосанился и рывкнул:

– А ну-ка по домам все! Не допущу самоуправства!

– А как же ведьма? Что с ведьмой? – лицо толстой крестьянки наливалось краской.

– Я разберусь. Анисим, води её ко мне. – Я развернулся и, пошатываясь, поплелся в дом. Позади слышалось недовольное бормотание:

– Как же ...разберется...опять за старое...за каждой юбкой...

Видно репутация у меня была не из лучших. Я махнул рукой и, упав в кресло, осушил еще кружку рассола. Интересно, почему так реально болит голова и тошнит. Профессор не предупреждал ни о чем таком. В комнату вошла девушка. Карие глаза смотрели смело и с вызовом:

– Ну что, барин, как наказывать изволите?

– За что ж тебя наказывать? – я слегка робел – дикая, невиданная красота, необузданная энергетика, вулкан – не женщина.

– Как за что, – девушка слегка растерялась, – они же сказали, что я ведьма!

– Я никому не верю на слово. Ну-ка, наколдуй что-нибудь!

– Ой, не шутите, барин, не игра это!

– Как зовут-то тебя?

– Ксана, барин, вы ведь меня знаете... – она смотрела на меня с удивлением и недоверием.

– А что ты Ксана на перекрестке закапывала ночью?

– Пса своего хоронила – умер пес... любимый был – глаза девушки сверлили меня откровенным вызовом, она явно ждала какого-то подвоха. Мне было до того тошно, что я просто решил поскорее покончить со всем этим. В другой бы ситуации я бы неминуемо воспользовался своим новым барским статусом, но только не сейчас.

– Вот что, Ксана, поскольку колдовать ты отказалась, а мы с тобой не в Европе, это там бы тебя по обвинению в колдовстве уже бы на костер затащили, так вот – иди себе с богом и помирись с соседками, уж больно они на тебя серчают. Анисим!

Анисим вошел, слегка прихрамывая:

– Чего изволите-с?

– Отведи её к выходу и скажи там, что вины я за ней не нашел. Кто её обидит – будет дело лично со мной иметь.

Лицо девушки вытянулось от удивления:

– И не проверите, барин? Вдруг я лгу!

– Бог с тобой, иди с миром, и сама помирись с соседями.

Девушка выскользнула из комнаты вслед за Анисимом, который вернулся спустя несколько минут с опасной бритвой, помазком и ушатом горячей воды. Он переминался с ноги на ногу, ему явно хотелось мне что-то рассказать. Я уселся на табурет и подставил лицо Анисиму. Невероятное ощущение от горячего мокрого полотенца, мыльной пены на лице и прикосновения бритвы. Анисим умело орудовал этим инструментом. Никакого сравнения с привычным лазерным станком, бритье которым уничтожало всю растительность на лице минимум на неделю. Это было таинство, я испытывал то, что испытывали все мужчины три столетия назад. Это было волшебство. Я в мыслях благодарил Альку, – как замечательно, что она заставила меня подписаться на эту авантюру. Сколько новых ощущений. Головная боль и дурнота потихоньку отступали. Анисим, подмигнув, проскрипел:

– Извольте-с за мной, батюшка, Данила Алексеич.

– Куда это?

– Дык, это, на процедуры. Разнагишайтесь!

– Чего?

– Разнагишайтесь, барин! Моциону делать будем.

Судя по всему, это был мой обычный обряд и я, не став спорить, сбросил с себя одежду и поплелся за Анисимом. Он вывел меня в маленький дворик и дернул за веревку у двери. Ледяной душ окатил меня с головы до ног – над дверью был привязан ушат холодной воды. Казалось, что ее был целый океан. Я задохнулся от возмущения:

– Да ты что...

– Вот, Данила Алексеич, теперича вы точно будете в чувствах, а то... ну куда это годится. Глядишь и вспомните все.

Я действительно чувствовал себя все лучше. Голова посветлела, и я мог воспринимать окружающее в другом свете.

Я огляделся: мне смутно помнилось, что, когда мы отправлялись, была зима, после глобального потепления зиму зимой в Дивнодаре было сложно назвать, однако все ж на градуснике было 10 градусов тепла, и это была нормальная для января температура. Здесь была весна – по крайней мере, воздух был прогрет и просто напоен различными незнакомыми мне запахами. Благодаря цветочным духам жены, я немного ориентировался в их названиях. Теперь я мог различить сирень и акацию, ненасыщенный жасминовый цвет. Теплое дуновение ветерка освежало и все новые и новые запахи появлялись в воздухе. Вот появился дым из трубы, а немного позже, в воздухе стали витать ароматы съестного. Картошка! Любимая мною с детства жареная картошка. Но как-то по-особенному, совсем другой запах. Вот, кажется потянуло еще

чем-то, не иначе мясным. Я закрыл глаза – солнышко ласково согревало мое тело. Я готов был так стоять целую вечность. Из-за дощатого забора слышался сдавленный смешок, визг и удаляющийся топот, затем, вдалеке девичий смех, – мягко сказать смех – гогот!

- Срамницы! – Анисим накинул на меня халат, – и когда Федот дыры в заборе заделает!
- Хочешь сказать, за мной подглядывают?
- Да дворня хулиганит, девчата.
- Ну и воспитание!
- Вот поймаю их, барин, да выпороть велю – тогда уж никто не осмелится.
- Да брось, Анисим, надо завязывать с этим моционом, от греха подальше.
- Как скажете, Данила Алексеич, пойдемте завтракать, уж готово, поди.

Я с наслаждением разглядывал интерьер столовой – цветастый накат на стенах, добротный деревянный стол, стулья, – все не из пластика – из настоящего дуба! Белоснежная скатерть, горничная девка тихо прошмыгнула мимо с каким-то подносом, все настолько совпало с литературным описанием той эпохи! Даже герань в глиняном горшке на подоконнике. Я был в прострации. Каждый цветок на занавесках вызывал умиление, каждая складочка на скатерти просто детский восторг. Белоснежные рюши на фартуке горничной провоцировали просто бурю эмоций. Не помня себя, я ухватил её под локоть и чмокнул в щеку. Девка взвизгнула, подпрыгнув от неожиданности, и стрелой умчалась прочь. Я удовлетворенно хихикнул, аж, нечаянно прихрюкнув от удовольствия, – девка была настоящая! Плотная, упругая, теплая, пахнувшая молоком и гвоздикой.

Анисим внес большую разделочную доску, положил её передо мной, прямо на покрытый скатертью стол, и поставил на нее огромную чугунную сковороду на штучке, которая в энциклопедиях о старорусской жизни называлась «чапельником». Я специально выучил это слово, уж больно оно было забавное. На сковороде, скворча, шипела жареная картошка, на второй половине сковороды была целая гора румяных котлет. У меня захватило дух:

– Вот, барин, Данила Алексеич, – все как вы любите, как в стародавние времена, когда еще мы женаты не были, – завтрак по-солдатски, картошечка на сале жареная, да котлетки телячьи. Вот морс из клюквы. Первое дело после загула – хорошенько поесть и попить клюквенного морсу...

Анисим еще что-то бормотал о том, что если будет велено, так Антонина накроет стол сервизом, а не по-босаяцки, как простым дворовым... я кивнул ему:

– Присоединяйся, старина, мне одному столько не съесть!

– Благодарствую, барин, – он взял ложку и стал подгрребать картошку с другого края сковороды. Я наслаждался вкусом – удивительно, но вкус пищи был насыщенным, натуральным, невероятно запоминающимся. Я ничего вкуснее в жизни не ел! Смутно всплывали в памяти слова профессора о том, что мне не захочется есть, пить и справлять естественные нужды. Он явно был не прав. Мне очень нравился процесс поглощения пищи, невероятный запах пробуждал столь же невероятный аппетит. Кроме того, справить нужду я тоже был бы не прочь. Анисим от темы картошки с салом перешел к деревенским новостям, которые явно распирали его, еще с момента, как он пришел меня брить:

– Девку эту, Ксану, давно в колдовстве обвиняют. Только не пойму с чего. Ну, лечит она травами, да так у нас многие бабки умеют. Мне думается, батюшка, Данила Алексеич, что просто красоте её завидуют. Мать её была хороша собой, – вот та была заправская колдунья, отец – так себе, ничего особенного, а девка, не в пример родителям, – загляденье.

– А что, Анисим, она с родителями живет?

– Эх, голова ваша, головушка. Отняло вам память совсем! Сирота она. Сначала помер отец, а потом и мать сгинула. Она на отшибе живет, говорят, нравится ей кузнец из соседней деревни, Гришка Селиванов, да без толку все это, баловство одно – женат он. Э-эх, что у вас

с памятью, батюшка барин, вы ж ее знаете! Вот до чего загулы то доводят! Надо вас в баньку. Ну да ничего – поправим, все поправим – и здоровье, и память – понемногу все вспомните.

Я вслушивался в слова старика Анисима. Все больший интерес вызывал у меня образ молодой ведьмы. Я решил обязательно увидеться с ней еще раз. И все отдаленней в моей голове были мысли об Альке.

Алька открыла глаза и вскрикнула от ужаса. Её умерший пятнадцать лет назад отец сидел на её кровати и держал её за руку.

– Папа!

– Тише, доченька, тише, ты поспала всего пару часов – тебе нужен отдых.

– Но как! Почему...

– Ты такой кошмар пережила. Ну да ничего, вот я соберусь да проучу твоего супостата, эдакий карамболь устроил! Совсем с глузду двинулся!

– Папа! – Чувства, нахлынувшие в душу, выливались слезами из Алькиных глаз, – папочка, родной, любимый. Ты здесь! – Алька разом вспомнила о путешествии в прошлое, но и предположить не могла, какой сюрприз её ждет. Её отец, ушедший, когда ей было всего двенадцать лет! Её любимый, обожаемый отец, которому так много не было сказано, которого она боготворила, и оплакивала столько лет, был здесь, рядом с ней. Она могла обнять его, держать его за руку, вдыхать родной запах, сказать все– все, что не сказала...

– Папа...

– Этот поганец напился и выгнал тебя! Я уж ему устрою! Моя девочка, не волнуйся и не плачь, отдыхай, он приползет на коленях...

– Да о ком ты, папа?

– О супруге твоем беспутном! О ком же еще.

Алька лихорадочно соображала. Значит она, по легенде была выгнана пьяным Даниилом из дома, и вернулась в дом отца. У нее было странное ощущение. Она никогда не видела Даниила пьяным. Голова готова была лопнуть от такого количества мыслей. Она обняла отца. Он выглядел точно так же как тогда, когда она видела его в последний раз перед трагедией. Сбившая его машина на ночном шоссе даже не остановилась. Преступника так и не нашли. Она плакала дни и ночи напролет. Мать она не помнила – её не стало совсем рано. Потом был детский приют, академия, потом появился Данька...

– Папа! Я так рада, что ты со мной! – Алька обнимала отца и шептала ему все те слова, что так хотелось высказать разом.

– Что с тобой, милая, ты как будто вечность меня не видела...

– Так и есть, папа, так и есть...

– Это у тебя нервы. Я оторву голову твоему супостату – мужу!

– Не надо, папа, прошу тебя, я сама разберусь, ладно?

– Да как же можно!

– Папа, он же мой муж, мы обязательно помиримся. – Алька явно была недовольна легендой, которой она должна была следовать, но быстро взяла себя в руки. – Зато мы с тобой можем побыть вместе. Ты ведь не прогонишь меня. А Данька обязательно приедет, и мы помиримся. Вот увидишь.

– Боюсь, что нет, девочка моя, не увижу, послезавтра я уезжаю, ты же знаешь, мы увидимся только следующей весной. Я не могу бросить государеву службу.

– Не можешь бросить, – тоска сжала Алькино сердце, она только обрела отца, ушедшего так безвременно, и вот, спустя два дня опять его потеряет. Жестокий сценарий.

– Тем более, мы должны каждую минуту проводить с тобой вместе, – она едва сдерживала слезы, – когда теперь увидимся...

– Ну, полно, полно, девочка! Я жив, здоров, слава богу, а ты рыдаешь так, словно хоронишь меня.

– Папа, побудь со мной подольше, – Алька всхлипывала и целовала отцу руки.

– Полно, а то я тоже расплачусь. Пойдем. Пойдем, вон Анфиса чаю подала.

Двое суток с отцом, которые Алька не отходила от него ни на шаг, вглядываясь в родные морщинки на лице, держа его за руку и говоря о всякой-всячине, канули в лету. Алька с тоской смотрела вслед удаляющейся карете. Она готова была отдать миллионы фирме «Сторакс» за те недолгие, подаренные ей два дня с отцом. Она разрывалась от желания кинуться вслед карете, броситься под копыта коня и вернуть родного человека, но разум твердил, что это не явь, это лишь её детские воспоминания, преобразованные умной машиной. Все бесполезно, все кончено. Ей лишь остается благодарить судьбу за подаренную возможность сказать отцу, как она его любит и боготворит. Прощальный взгляд его, полный любви и горечи, его слова: «Будь мудрой, понапрасну не гневись, и народ не мытарь...» – к чему он это?

– Ой, барыня, матушка! Ой, убили! – резкий вопль вывел Альку из оцепенения. Она обернулась. По широкой деревенской улице шел мужчина, лет тридцати пяти. Высокого роста, атлетически сложенный, длинные темные, кудрявые волосы спадали на плечи. На руках он нес безжизненное тело женщины. Её тяжелые, светлые косы, волочились по земле, платье было в крови. Мужчина подошел и, уложив бережно тело женщины на землю перед Алькой, прошептал:

– Барыня... вот... убили мою Настасью...

Алька подняла глаза. В паре метров от них стояла плотная толпа крестьян. Лица их не выражали ничего хорошего. Один из мужиков, стянув шапку с головы, шагнул вперед:

– Барыня, матушка! Душегуб – он! Он свою жену сгубил, больше некому! Вот и нож мы у него нашли! – Он развернул тряпицу, из нее выпал окровавленный нож. Альке стало дурно. Земля качнулась под ногами.словно в бреду со всех сторон посыпались голоса, сливаясь в один рокочущий, визжащий хор:

– Он убийца, матушка! Он!

– Он жену свою зарезал!

– Лаялись, как собаки всю жизнь!

– Детей она ему родить не могла, вот и порешил он её!

– Он давеча кричал на всю деревню, что убьет, вот и убил...

– Да он во хмелю сам не знает, что творит!

– Душегуб!

– Не ладили они всю жизнь...

Толпа опутала мужчину веревками, он даже не пытался сопротивляться, словно под гипнозом шел, куда его толкали. Бабы вцеплялись в темную гриву волос и вырывали оттуда клоchy, деревенские пацаны кидали в него камни, какой-то мужичонка выкрутил ему запястье и вогнал под ногти иглу. Мужчина застонал. Толпа взревела и понесла его мимо Альки, крестьяне били в печные заслонки, тазы, сковороды, волоча его по улице.

– К реке потащили, – седоватый лакей покачал головой, – утопят как котенка.

– Что значит утопят?!

– Так ведь знают, барыня, что вы под суд отдадите, в тюрьму, в город, а там, пока суд да следствие, а то и выпустят, а им надо чтоб, сразу и сейчас. А не то не успокоятся, покуда либо в избе не спялят, либо не поймают, где потемней, и забьют насмерть. Батюшка ваш такие неприятности враз разрешал...

– Стоять! – Алька заорала, что было сил. Потухший взгляд «душегуба» почему-то все время был у нее перед глазами. Дворня озадачено глядела на неё. – Стоять я сказала! Никому его не трогать!

– Прикажете в «темную»? – Лакей услужливо поклонился и кивком отправил за связанным стоящих рядом дворовых.

Алька хватала ртом воздух, голова шла кругом, она подняла взгляд к небу, облака кружились в какой-то дикой пляске.... Она почему-то вдруг вспомнила о Даньке и вдруг поймала себя на мысли, что не помнит, как выглядит её муж. Совсем не помнит. Помнит, что он у неё есть, что она здесь не по-настоящему, а как выглядит Данька? Эх! Был бы здесь Данька... – дальше она ничего не помнила.

Я стоял перед огромным, старинным, чуть пыльным зеркалом и вертел в руках большие ножницы. В целом мое отражение несколько меня не смущало, однако вот длинные черные кудри... короткая стрижка мне была больше по душе. Я вытянул длинный, выющийся локон. Ножницы лязгнули и прядь за прядью, мои виртуальные кудри оказались на полу. Вот теперь я был похож на прежнего себя.

– Что ж вы натворили! Батюшка! – растерянный Анисим смотрел на меня с горечью, – барыня так любила Ваши кудри!

– Барыня?! – Я хохотнул, – думаю, она одобрит мою прическу. Кстати! Вели заложить лошадей! Пора бы и помириться с барыней! Неделя прошла, а я еще ей на глаза не показывался.

Я действительно был счастлив и безмятежен как ребенок. Весенний деревенский воздух мая, наполнявший меня безудержной энергией, был отнюдь не виртуален. По утрам, когда солнце только показывалось из-за вершин деревьев, и крики петухов будили всю округу, я, едва открыв глаза, мчался на реку. Деревенская дорога у самого берега переходила в тропку, и травы окрестных лугов стелились, колышась как шелк под утренним ветерком, переливаясь, и становясь похожими на огромное темно-зеленое море. Вода в реке с буйным характером, под ласковым названием Вьюнок, у самой середины которой был порог-на-пороге, была очень прохладной и чистой. Такой, какой только вообще могла быть вода. Такой я никогда не видел в реальном мире. Её можно было пить, не опасаясь за свое здоровье. Эта речушка, извилистая и бурлящая как горный ручей, у самых берегов была ласковой, как домашняя кошка. Я наслаждался ласкающими меня струями, а потом, выбравшись на берег, усыпанный мелкими камушками, с удовольствием наблюдал, как мужики, пригнав коней из ночного, чистили их, загнав в реку, расчесывали им гривы, заплетая в косы. Потом проснувшиеся деревенские ребяташки с визгом прыгали с мостков в реку, снимая на бегу подштанники, и поднимая вокруг себя тучи брызг. Я загорал под нежарким, пьянящим солнышком, ласковым и неопасным (в отличие от реального светила, под которым без защиты нельзя было оставаться больше минуты) почти до самого полудня, когда лучи становились уже нестерпимо жаркими, и плелся в усадьбу. Там меня ждал вкуснейший и ароматнейший обед, приготовленный умелыми руками искусницы Антонины, – нашей поварихи и старинной подруги Анисима. Тот, оттрубив честно на военной службе и поступив на содержание к моему ныне покойному батюшке, по легенде, царскому генералу, и став моим денщиком, а также нянькой, мамкой и учителем жизни по совместительству, уже лет десять стеснялся сделать ей предложение, трепетно ухаживая и опасаясь обзаводиться семьей. А вдруг, дескать, снова на войну призовут, что тогда супруга будет делать. Я наслаждался вкусом яичницы с непривычно оранжевыми, почти красными желтками с таким ярким, насыщенным ароматом. Объедался пирогами с душистой вишней, заготовленной Антониной загодя, лопал от пуза клубнику, залитую сладчайшим липовым медом, обпивался кисе-

лями и квасами различных видов и сортов, и понимал – никакие деньги мира не стоят тех ощущений, которые мне подарил «Сторакс». Я с трудом осознавал, что рано или поздно придется вернуться в свой мир, такой серый и неяркий, на свой пятидесятый этаж к своим компьютерам, продажам, отделам... Я вдыхал каждую минуту этого счастья, осознавая, что это все ненадолго. Вечерами я сидел на крыше усадьбы и с сожалением осознавал, что со мной нет фото и видео, чтобы заснять картину, расстилавшуюся передо мной. Ровные деревенские улицы заканчивались на опушке леса. Из трубы каждого дома высоко в небо поднимался дым. Было похоже на сказку. Там пекли хлеб, варили щи, а на печи нежили свои косточки старики, кувыркались ребятишки, мурлыкали коты. Во все небо раскидывался звездный шатер. Звезды были яркими, крупными, мерцающими и разноцветными. Было жутковато – ведь в каменных джунглях Дивнодара, под стеклянными куполами высоток жилых кварталов звезд не видел никто и никогда. Их наблюдали из астрологических лабораторий, в которые водили с детства как в кино или в театр. Когда совсем темнело, я спускался вниз, во двор, где Анисим разводил костер, и мы полночи пекли на углях картошку с грибами и салом, и я заслушивался историями, в которых мы, по словам Анисима, все еще считавшего меня потерявшим память, «рубали неприятеля». А несколько дней подряд, когда Анисим с дворней зарезали поросенка, и мне удалось отвоевать у Антонины, забравшей почти всю тушу на солонину, премного нежнейшей вырезки, мы лакомились жареным на углях мясом, запивая все это ароматнейшим яблочным сидром, которого в подвалах наряду с винами, наливками, водками и настойками было великое множество. Я осознавал, что впадаю в какую-то зависимость, что я уже не хочу возвращаться в реальность, и единственное, чего мне не хватает, это Алькиной улыбки. Хотя, если уж быть откровенным, я почти не помнил, как выглядела Алька. Портрет на стене с каждым днем становился все более чужим и незнакомым, напоминавшим скорее кого-то другого, но я помнил, что у меня есть жена, даже скучал по ней, каждый день обещая, что поеду и привезу её домой, и что мы будем наслаждаться всей этой благодатью вместе. Вот и теперь я завел об этом разговор.

Анисим насутился:

– Не взыщите, батюшка, только в соседнюю деревню Вам не попасть.

– Почему? – я опешил.

– Мост, батюшка, давеча обвалился. Телега, груженная дровами, по нему ехала, да под тяжестью мост и обвалился. Теперь не проехать.

– Да что же ты сразу не сказал!

– Не гневайтесь, Данила Лексеич, не хотел я вам настроение портить, уж вы как дите малое, последнее время так всему радуетесь!

– Да как же я к жене попаду! Когда пути восстановят?

– Дык, никто не начинал. Уездное начальство друг на друга валит, а мы без приказа не можем.

– Так отдай приказ! – Я рассвирепел, – немедленно пусть чинят, собери мужиков, заплати им...

Обескураженный взгляд Анисима привел меня в чувство – я вспомнил про крепостное право.

– В смысле пообещай, что награжу за быструю и хорошую работу.

– Все исполню, не извольте беспокоиться.

Я сел на ступеньки усадьбы. Сколько дней нужно чтобы восстановить деревянный мост длиной метров в двести и шириной в полсотни метров вручную, без спецтехники. Алька, как ты там сейчас... Алька – и снова странное ощущение: всплывший перед глазами портрет в спальне. Там изображена не Алька – глаза, как мне кажется, её, но не Алька. Я напрягся и попытался вспомнить, как выглядит моя жена – тщетно. Пушистый рыжий одуванчик, плюс глаза с портрета – и все... Профессор предупреждал, что воспоминания о реальности сотрутся, но не до такой же степени! Алька... как же мне вспомнить тебя?

Алька пришла в себя. Рядом сидел пожилой полный мужчина в пенсне. Он держал её запястье. Первым желанием было выдернуть руку из его холодных влажных пальцев, но, потом, успокоившись, она поняла – он измеряет ей пульс. Она вспомнила, как это было описано в исторических романах. Было странно и смешно – у людей её времени давно встроены датчики, измеряющие пульс, кровяное давление, сахар крови, холестерин, билирубин... да мало что еще – все измерялось автоматически и считывалось с запястья как штрих-код. Голова еще кружилась. Мужчина в пенсне вздохнул и покачал головой:

– Эдак вы, матушка, себя до полного изнеможения доведете. Когда вы последний раз ели?

Алька напряглась и попыталась вспомнить, когда она последний раз действительно ела, не считая поджаренного тоста с чаем. Даже во время семейных трапез с отцом она была настолько потрясена, что кусок не лез ей в горло:

– Я не помню, доктор!

– Вам надо хорошо питаться. В вашем положении...

– В каком положении?! – Алька, выдохнув, села на постели и голова закружилась вновь.

– Я пока не могу с уверенностью ничего утверждать, но вскоре вы сами поймете.

– Что я должна понять?

– Ваш организм предельно напряжен, причем не столько в нервном, сколько в физическом плане. Вы упали в обморок, а ваша служанка подробно описала мне, когда у вас должны начаться эти дни... ну вы понимаете.

– Мне не совсем ловко, доктор!

– Не тушуйтесь, моя дорогая, уж мне ли вас не знать – я с детства вас наблюдаю, но продолжим: по словам служанки, у вас, не приходят крови уже около пяти дней. На самом деле это значит одно из двух – либо вы беременны, а как замужней женщине это вам просто положено быть, либо у вас истощение организма, приведшее к временной потере детородной функции. Будем надеяться на первое, тем паче, что моя супруга, после вашей совместной поездки к святому источнику о прошлом году, тоже понесла успешно и в июле мы ожидаем первенца...

– Поздравляю. – Алька опешила. Издевка программистов «Сторакса» или на самом деле... в ту последнюю ночь дома Даниил был рассеян и беспечен, не спросил, принимала ли она таблетку, пожалуй, впервые за всю их жизнь. Они не предохранялись. Неужели организм дает сигнал? Доктор встал с её постели и продолжил:

– Пока положение не прояснится, прошу вас, будьте предельно осторожны. Лежать и еще раз лежать. Питание самое легкое – овощи, рыба, бульоны. В город бы надо, да вот ведь беда...

– А что случилось?

– Мост разрушен. Уездное начальство рядит, кому чинить, а мы дожидаемся. Данила Алексеевич тоже теперь за вами приехать не сможет. Надо ждать, пока поправят конструкцию. Что ж, пойду, пожалуй. На неделе буду в ваших краях, обязательно навещу. Берегите себя.

Алька приподнялась на подушках. Мысль о том, что она ждет ребенка, поразила её до глубины души. В любом случае, надо было найти способ увидеться с Даниилом, да как назло этот мост... надо как-то прийти в себя. Ей вдруг до смерти захотелось есть. Она схватила колокольчик и удивилась, насколько интуитивно это вышло, а ведь она всего несколько дней в прошлом. На звон прибежала горничная Анфиса – темноволосая девушка в форменном платье с испуганными слегка навывкате глазами.

– Чего изволите?

– Бульону мне подай, пожалуйста. Куриного бульону с ложкой сметаны и зеленью и с хлебом. Так хочется хлеба...

Спустя полчаса она с аппетитом поглощала бульон со сметаной, в котором плавали сухарики и мелко порезанные листочки петрушки и укропа, вперемежку с большими желто-оранжевыми пятнышками жира. Такой замечательный вкус! А хлеб! Что это был за хлеб! Душистый, ароматный, мягчайший, с хрустящей корочкой, он был совершенно не похож на хлеб из их супермаркета, который больше напоминал пластилин. Она наслаждалась каждым кусочком, каждой ложечкой крепкого, насыщенного бульона. Так тепло и уютно было в этом доме, который как ни странно она искренне воспринимала как свой родной. Она вспомнила, как с испугом изучала строение, расположение комнат, как боялась показать прислуге и отцу, что она здесь впервые, как перепутала двери и на глазах у всех «вышла» в шкаф. Вспомнила, как впервые увидела в зеркале свое отражение и ахнула. Рыжий одуванчик прически сменился густыми темными локонами до пояса. Таллия стала тоньше, а грудь выше. Черты лица слегка заострились, и она стала похожа на благородную даму. Вспомнила, как впервые легла в свою кровать, на мягкую перину, как сладко пахли солнцем накрахмаленные кружевные наволочки. Столько новых впечатлений, звуков, запахов, событий. Немудрено, что у неё задержка, а плохой аппетит последних дней и полуголодное существование сыграли свою роль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.